

Независимая газ. — 1993. — 3 нояб. — С. 6

Валерий Леонтьев: «Я БЫ НЕ ХОТЕЛ ОКАЗАТЬСЯ В ЭШЕЛОНЕ КАКОГО-ТО ПОЛИТИКА»

Знаменитому певцу противны грязные игры властей предрежающих

Раиса Скрыган

Звезда

ЧТО ОЗНАЧАЕТ для вас независимость?

— Это прекрасное состояние, которое очень недешево достается. Возможно, это самое дорогое. Особенно на сцене, в искусстве, в творчестве. Тем более сейчас, когда любой мало-мальски стоящий проект требует огромных затрат.

— Не вам сетовать на времена. Вы начинали, когда оставаться независимым было куда сложнее. И тем не менее единственная патриотическая песня вашего репертуара — приятный хит «Ненаглядная сторона».

— Трудно даже мысленно вернуться в те времена. Я только могу сказать, что никогда специально за независимость не боролся. Я никогда не ходил по кабинетам, не выпрашивал звания, эфиры, привилегии. Я сколько помню — всю жизнь пахал в поте лица. Творческий поиск осуществлялся чисто интуитивно. Я старался делать так, а не иначе — как чувствовал. Нам указывали, что петь, как петь, в чем петь. А я старался все делать так, как хотелось. И мне казалось, что это естественно, что все так и должно быть. А в результате получилось, что я остался независимым! И все-таки из того времени я не вышел без потерь. Пока нас пытались втиснуть в общие рамки — развивались внутренние комплексы. Невольно ловишь себя на мысли: а может быть, они правы, может быть, и в самом деле, нужно все делать не так? Внутри сидит вредное чувство неуверенности. До сих пор приходится его преодолевать.

Оттуда же и отсутствие среды, жанра, традиции, опыта. Отсутствие всего! Нас воспитывали при закрытом занавесе. Разве мы видели наш жанр, какой он есть в мире? По праздникам показывали Карела Готта — и все. Теперь мы хотя бы видим, что в мире делается. Появляются ростки шоу-бизнеса. Артисты уже думают, как выйти на мировой рынок.

— При отсутствии шоу-бизнеса, без помощи профессионального менеджера взшла звезда по имени Валерий Леонтьев. У вас был план, концепция так называемого раскрута?

— Я все делал интуитивно. У меня концепция была единственная — петь во что бы то ни стало. Для меня — это единственный способ существования. Не в смысле зарабатывания денег. Как белковый организм может жить в определенной среде, так я должен был выходить на сцену и петь. Вся «концепция раскрута» состояла из одного пункта: «Иди и пой!» К своему имиджу я тоже двигался интуитивно. Никто мне ничего не подбирал, у меня не было художников. Я сам рисовал костюмы, которые хотел, и шел в какой-нибудь дом быта, просил сшить так. Обычно от меня шарахались, часто смеялись. Я вы-

нужден был выучить элементарный крой и долгие годы шил сценические костюмы сам.

— Публика того времени не была готова к вашей манере поведения на сцене и к вашему имиджу...

— Писали десятки тысяч писем на телевидение: «Уберите патлатого, он в обтяжку!» Советовали надеть на меня штаны, подстричь и побрить. Время же показало, что я хоть интуитивно, а двигался верно! Теперь все патлатые, все в штанах и без штанов — кому как хочется. Правда, я должен сказать, что у меня очень быстро сформировался круг поклонников. Я нашел тех, кто готов был воспринять новое веяние, ждал этого. Мы с моей публикой искали и нашли друг друга. Все-таки, если человек, ничего не вычисляя, ничего не зная, находит единственно верную интонацию, един-

ится по схеме — песни и немного движения на сцене в небольшой компании танцоров. Мы предприняли совершенно героическую попытку — создали свою сцену с пятью сменами декораций. Много костюмов, световых эффектов. Мы хотим, несмотря на все сложности, возить это шоу по разным городам, чтобы наша многострадальная публика увидела, каким должен быть этот жанр по-настоящему — богатым и блистательным. Сейчас едем в Петербург, потом — в Киев, потом — в Минск и так далее, где только сцена приспособлена принять нас.

В эту программу ушло все, что у меня было. Огромные деньги дал Орловский торговый дом — есть такая фирма, президент Ю. Гордеев. Но, возвращаясь к вопросу о независимости, — у меня есть святое правило: долги нужно

— Я внутренне содрогнулся, когда две власти, претендовавшие на первенство, — и одна, и вторая — обращались по средствам массовой информации к простым людям, которые сидят по домам после работы, с призывом выйти на улицу и помочь. Решают свои проблемы на чужом горбу, как говорится. Власть должна помогать людям, а не наоборот. А лицо... Мне кажется, у политиков всегда одно лицо. У всех. Черты размыты.

— Как вы относитесь к утверждению, что политики упускают возможность влиять на людские умы посредством популярных людей?

— Этот фокус уже известен. Я помню, что какой-то сенатор перед выборами пристегнул в свой эшелон Элизабет Тейлор, а другой — Софи Лорен, и они ездили по стране, кто больше наберет голосов. Я бы не хотел оказаться в эшелоне какого-то политика.

— Ваше выступление сильно похоже на спиритический сеанс или какую-то оккультную службу. Что за духа вызываете, какому Богу служите?

— Мне приятно слышать, что возникает атмосфера шаманства, хотя я специально этого не добивался. Если я вызываю духа, то речь о нашем общем духовном существе. Мои концерты — это вызывание не духа, а духовного.

— У вас нет ощущения, что вы — инопланетянин?

— Такое ощущение возникает, когда я вижу, что люди из-за пустяков готовы перегрызть друг друга глотки. Оно особенно сильно в автомобильной пробке в часы пик, когда все готовы друг друга порвать на куски. И я всегда удивляюсь — ну почему так?

— А после такой пробки не возникает у вас антипатии к «человеку из публики»?

— У меня антипатия возникает только тогда, когда меня, не дай Бог, стукнут молотком по голове. Пока не узнаю про человека совершенно точно, что он — дерьмо, я его люблю.

— И последнее. Одаренные люди часто расстраиваются за свой дар неустроенной, несчастливой личной жизнью...

— Прожив большую часть своей жизни, надеюсь, что еще не лучшую, я все-таки не могу сказать, счастливый я или несчастливый, удачливый или нет. Я знаю, что есть работа. Чем больше работаешь — тем больше отдача. Мне часто задают вопрос: а теперь расскажите о той жизни, которая не касается сцены... Ее нет практически! Надо выпускать буклет, снимать материал, прослушать все кассеты и ноты, которые мне принесли во множестве, — вдруг среди пепла мелькнет алмаз... У меня даже понятия нет такого — личное время.

Счастье в том, что вокруг меня собираются порядочные люди, и с ними я поддерживаю долговую дружбу. А все остальное очень быстро осыпается само собой.

Фото Н. Самойловой.

венно верный жест, — в этом есть нечто, что принято называть талантом. У меня есть какая-то искра божья, я надеюсь.

— Своим творчеством вы постепенно меняли сознание и вкус тех людей, которые поначалу приняли вас в штыки. Мне кажется, вы делали перестройку параллельно с Горбачевым.

— Наверное, было бы правильно думать, что благодаря Пугачевой, благодаря мне и другим в какой-то степени осуществляется поступательное движение. Я ведь и своим новым шоу «Полнолуние» сделал вещь, совершенно не свойственную для наших представлений о жанре. Обычно концерт нашей даже самой преуспевающей звезды стро-

отдавать. Эти деньги — не подарок, а ссуда.

— Вы всегда сторонились политики. Это принцип?

— Не столько принцип, сколько отсутствие желания. Мне эта сфера человеческой деятельности не интересна. Даже сегодня политика не стала мне интереснее. Я вижу — это грязные игры, люди делают власть. Всякая власть убеждает, что она самая замечательная, самая справедливая — и все неправда. Но я доволен, что 3—4 октября все кончилось так, а не иначе. Потому что я бы не хотел, чтобы началось движение вспять.

— Самое значительное политическое событие последнего времени и самое яркое лицо на политической арене для вас?